

**АЛЕКСАНДР АНДРЮХИН
КСЕНИЯ АНДРЮХИНА**

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

В данный поэтический сборник вошли стихи двух авторов — московского поэта Александра Андрюхина и его дочери Ксении Андрюхиной. Львиную долю в книге занимают лирические стихи. Авторам также свойственны романтизм, исповедальная искренность и подлинно философское осмысление жизни.

ДУША

Душа обязана светиться,
гореть, метаться, птицей биться.
О нет! Ей с плотью не ужиться —
лениться склонна наша плоть.

Душа обязана дивиться
всему вокруг, а плоть — трудиться
без выходных, чтоб прокормиться,
и чтоб снобизм свой побороть.

РАЗВИВАЯ ГЕРАКЛИТА

И когда я взглянул в потемневшую высь,
где в привычном порядке светила сошлись,
я подумал: «Без солнца, должно быть,
мы не знали бы дня, знали только бы ночь,
и тогда бы и ангел не смог нам помочь
про божественный свет пустословить».

Если б звезды галактики в кучу собрать,
и они не смогли бы так ярко сиять,
и они не размыли бы ночи.
Ведь ночные светила нам жизнь не дают,
они только мерцают и смутно зовут
в неизвестность, как девичьи очи.

В том и суть, что не виденье звезд — не беда,
а без солнца не быть никому никогда,
ни живым, ни отжившим отчасти.
Только солнце способно нас к жизни будить
и грядущим дурачить, и счастьем манить,
даже если не знаешь, в чем счастье.

Но рассудок сомненьем убить норовит —
закрывает нам солнце космический вид,
ослепляя пылающей бездной.
В результате не видим мы горних высот —
над макушкой все тот же обманчивый свод,
изумительный, но бесполезный.

СДЕЛКА

Когда отпускали мой будущий прах
на эту планету из звездной юдоли,
спросил меня дед в чародейском хитоне:

— Что с даром своим ты воздвигнул в мечтах?

— Коль дар что-то стоит, то стою и я, —
ответил я старцу, — а если я стою,
уверен, не должно мне знаться с нуждою,
хочу, как Алкей, полной чаши края!

— Логично, — лукаво кивнул чародей, —
нагрел из небось кучу денег и славу,
удачи, победы, поклонниц ораву,
супругу красавицу, умных детей?

Устроим! Твой дар в целом стоит того.
Получишь, что хочешь с рожденья и даром,
но только любви не ищи с Божьим даром,
поскольку не сможешь любить никого.

Вскричал я:

— О нет! Мне такой не готовь
невзрачной судьбы, и твой дар ненавистен!
Пускай я предвестник космических истин,
но вместо всех истин я выбрал любовь.

— Не я тебе дал этот дар, и не мне
его отбирать у тебя, — с укоризной
старик произнес, — ты его в прошлой жизни
трудом заслужил, словно чин на войне.
Что хочешь, мой сын, за любовный лишь миг?
Согласен прожить без богатства и славы?

— Согласен! — кивнул я. — Не нужно халявы!

— Тогда по рукам! — рассмеялся старик.

НЕ СОГЛАСЕН

К незатейливой пище и дешевой одежде
и к бэушным авто я привык.
Только я никогда не привыкну, хоть режьте,
что любовь — это грезы и пшик.

Будет ночь, будет утро, и день будет красен,
будет свет и простор в небесах.
Верю, все будет классно! С одним не согласен,
что любви у людей нет в глазах.

Что опять с нелюбовью жара и прохлада
в городок наш вползают с утра,
а в толпе ни единого теплого взгляда,
а на улицах все как всегда.

Снова вечером горькую пить мне без тоста,
звать на помощь постылый хорей.
Нищету и лишения мне вынести просто,
нелюбовь же снести тяжелей.

Пусть повсюду глупцы, подлецы, бандар-логи,
что готовы за мелочь прибить.
Тяжело среди тех, чьи так души убоги,
но куда тяжелей не любить.

САНИТАР

Он хотел петь песни, а пришлось
раненых вытаскивать из боя —
ползать от отбоя до отбоя,
ну а с пеньем как-то не срослось.

Уходя за ленту, думал он,
петь бойцам о чем-то очень светлом,
но война — не вздохи о заветном,
не гитар лирический трезвон.

Кровь, грязище, трупный смрад в полях,
взрывы, вопли, чьи-то ноги в небе
и тела кровавые в укрепе,
и скулящий о пощаде лях.

Не до песен! Не до куража!
В этом пекле, в этой тьме угарной
доползти бы с сумкой санитарной
до бойца, а там — до блиндажа.

Впору бы завывать, но только страх
скулы свел. Враги от злобы воют,
минометы бьют, и арты кроют,
в небе дроны, чернозем в глазах.

Вот в окоп десятый втащен. Вот,
кажется, очнулся, — бел от боли.
А наш друг опять ползет по полю —
гром, разрыв... и свет уже не тот...

Так и сгинул, ничего не спев,
сослуживцам с простотой сердечной.
Может там, за белой дымкой Млечной,
пенье задушевное не блеф?

Может там, в далеких небесах
с песней у него верней сложилось?
Здесь же проверяется на вшивость
род людской, чтоб взвесить на весах.

В ВОЕНКОМАТЕ

Ребятишки гибнут на фронтах,
чтоб в тепле и сытости, ей богу,
я старел, спиваясь понемногу,
сожалея о пустых годах.

Чтоб под крымским солнцем на песке
я витал в мирах каких-то вышних,
и все грезил о новинках книжных,
из сети лишь зная о войне.

Ребятишки гибнут, все прокляв,
чтоб у телевизора в уюте,
пребывал я в этой сонной мути,
смерть благополучием поправ.

Ребятишки гибнут за отцов,
чтобы с умным видом маргиналы
грязно поносили генералов,
и за нерешительность — бойцов.

Чтобы охреневший либерал,
отвалившись на диване сыто,
крыл в хмелю разбитый, как корыто,
свой народ, который все просрал!

Звон экспертов, кривда кулаков,
медь фанфар, побед грядущих трубы!
А ребятки молча сжали зубы
и крошат под дронами врагов.

Сколько ж умирать еще за нас
они будут присно и отныне,
за снобизм элит и звезд гордыню,
за покой и равнодушие масс?

Вновь топчусь с тяжелой головой
я перед дверьми военкомата.
Уж дежурный посылает матом:
— Все, достал! Давай уже домой!

Возраст мой давно не призывной,
отчего же больно мне и стыдно,
что здесь так спокойно, а там гибло,
и ни бог, ни царь я, ни герой.

Ребятишки гибнут, чтоб я жить
мог безоблачно в своей отчизне.
А достоин ли такой я жизни?
Чем смогу за это отплатить?

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Как же хаяли их, горемычных,
что росли в девяностых бандитских,
словно это они растерзали
нашу Родину, армию, флот.
Словно это они учиняли
поножовщины и беспределы,
убивали, гребли, предавали,
и за быдло считали народ.

«Пофигисты, дебилы, придурки!» —
— так их в прессе нещадно клеймили,
называли тупыми и злыми,
и потерянными для страны,
позабыв, как им ребра ломали
в темных улочках злобные урки,
как в кровавых соплях приползали
после школы домой пацаны.

И никто защитить их не думал,
ни царьки, ни менты, ни герои,
ждали дядю в цилиндре, который
осчастливит воистину всех.
Он пришел этот дядя, но с целью
все пожечь, разбомбить и разрушить.
Кто с готовностью встал на защиту? —
Поколение потерянных тех.

Они первыми в военкоматы
добровольно явились, чтоб завтра
под обстрелами сгинуть во имя

тех, кто в детстве не смог их спасти,
чтоб отныне их дети не знали
то, что сами они испытали.
Пофигисты, дебилы, придурки —
поколение героев, прости!

СЕВАСТОПОЛЬ

Ночь над бухтой, звезды... Лунный лучик
в душном доме спит на потолке.
Стол, свеча, утрюмый подпоручик,
что-то пишет в мятном дневнике.

Трупный запах, гарь, в телегах стоны —
это брАтки мрут под каланчой.
Завтра новый штурм. На бастионы
враг полезет красной саранчой.

Город спит. Узор на небе вышит.
«Как не скорбно мне осознавать,
пишет офицер, — но смерть уж дышит
мне в лицо и завтра умирать.

За царя, за веру... к черту веру!
Утром ждет разбитый бастион,
Шквал огня, вонь пороха и серы,
и усыпанный телами склон.

Взрывы, вопли, мысли о жестоком,
горы трупов, гром, оглохший слух
— все смешается под Божьим оком:
храбрость, трусость, злоба, стойкий дух.

Человек, на что в своем беспутстве
перед Богом будешь уповать?
Лишь в одном ты преуспел искусстве,
и искусство это — убивать».

Ночь прохладу льет за потный ворот,
полночь бьет, накатывает дрем.

«Не уверен, что удержим город.
Но уверен, с честью мы умрем».

Стол, свеча, затекший позвоночник.

Волны в бухте шепчутся с листвою.

— Спать, — шепнул угрюмый полуночник
и поставил подпись: «Лев Толстой».

В РАДИОАКТИВНЫХ ВОДАХ

Где тонны смертоносных вод
в морских глубинах,
плывут, как Викинги на сход,
на смерть дельфины.

И самый мудрый, выгнув хвост,
воскликнул:

— Горе!

Есть у людей прекрасный тост:
«За тех, кто в море!»

Нет облегченья без беды,
облегчим души!
Хлебнем отравленной воды
за тех, на суше!

Суда уходят, рыб дразня,
считай — пропащи!
За них пью горькую друзья,
чтоб стало слаще.

Дано от Бога им чело,
душа — подавно.
Все знают, если тяжело —
другому славно.

Глотнем с глубинною тоской
за тех, кто плавал!
И если с нами Бог морской,
то с ними дьявол!

...Один хлебать не захотел,
поплыл на берег,
где кран уродливый гудел,
как грозный Терек.

В песке он долго клокотал
и думал: «Горе!»
И клюв с надеждой поднимал
за тех, кто в море.

Но плавники потом свело,
и стало странно.
Он вспомнил: если тяжело —
другому славно.

Он умер (час под краном бил)
с улыбкой глупой.
Прибой, вздохнув, к утру прибил
всей стаи трупы.

СТИХИ О НЕКОЙ ДАМЕ

Волны Балтики азартно
прут на парাপет.
Тут кончается и карта,
и земля, и свет.
Силуэт прекрасной дамы
виден из дали —
долго смотрит на туманы
с краешка земли.
На причале смех и слезы —
интерабордаж.
Теплоход, прекрасней розы,
уходил в мираж.
Грациозный и безгрешный,
окроплен росой,
самый-самый белоснежный,
с синей полосой.
Там на палубе гуляют
интеркуркули,
и никто из них не знает,
что тут край земли.
Дальше — льды, седые марты,
полюс, стужи край.
Может, лгут все эти карты,
и за краем рай?
Влепит ветер оплеуху,
ах, да все одно!
Ведь с таким шикарным брюхом
можно и на дно.
Вьется флаг, как на рекламах,
голубеет крест.

Крест на вас, прекрасных дамах —
нет свободных мест.
Пляжи заняты. На рейдах
мотоботов дым.
Где вы, яхты, в снах и грэях? —
выдумал все Грин.
Взгляд из рубки неприличный,
липкий, как вертеп.
Кэп такой не симпатичный
и не молод кэп.
Грубо схватит он, возложит —
и всю жизнь смывай!
Он нечист, небрит, но может
увезти за край.
Он на мостике высоком
тоже на краю,
под гудок окатит смогом
и «мадам, адью».
Только ветер побережный
всхлипнет за косой,
и исчезнет белоснежный
с синей полосой.
Но глаза прекрасной дамы
с краешка земли
что-то видят сквозь туманы
в неземной дали.

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Суэта Приморского бульвара,
тихо льется музыка из бара,
над макушкой как всегда беспутный
звездный путь, а ниже — корабли.
Листьями усыпан чей-то «опель» —
значит осень, значит Севастополь
в час вечерний, теплый и уютный
зажигает белые огни.

В бухте тишина. В Приморском парке
детский визг и звон гитарный в арке,
запах кофе, ароматы грога,
шелест волн, бегущих на бетон.
Здесь цветы влюбленные роняют,
малыши на роликах гоняют,
молодежь колбасится от рока,
а вдали сияет бастион.

Всюду жизнь, веселье, смех и танцы,
в пляс пускаясь, здесь теряют сланцы,
моряки красавиц опьяняют,
и мурлычет в унисон волна.
Под баян в медалях ветераны
все поют про море и туманы,
и о чем-то давнем вспоминают,
и ночная бухта звезд полна.

А на рейде, что под речкой Млечной,
охраняют наш покой извечный,
с номерами на стальных обшивках

корабли, что в странствия зовут.
Оттого спокойно жить на свете,
потому что (знают даже дети)
пацаны в суровых бескозырьках
день и ночь дежурство здесь несут.

КОГДА ЕВРОПУ СМОЕТ

Не презирай, надменный европеец,
туземцев диких в джунглях и пустынях.
Не поддавайся мелочной гордыни
под тяжестью земных своих грехов!
Ведь сытость далеко еще не признак
прозрения. Презрение же — признак
гниения, которому подвержен
весь род людской от низа до верхов.

О как ты любишь наслаждаться пылью,
обожеествлять развалины и глыбы,
и в черепках былых цивилизаций
нащупывать инопланетный свет.
Каменья эти, кости и могилы
дороже всех сокровищ, ибо в них-то
и пребывают тайны нашей жизни,
как впрочем, и разгадки наших бед.

О, археолог, рыщущий по свету
в надежде отыскать останки мифов —
свидетельство великого былого
в ничтожном этом нашем бытии,
не проклинай судьбу, когда в насмешку
вдруг вместо мифов в джунглях тебе явит
туземцев, неопознанных доселе,
в миру на историческом пути.

То не насмешка, ревностный искатель —
намек небес, что прошлого фрагменты
высвечивать из тьмы — неблагодарный

и глупый труд, пока бредешь во тьме.
В грядущее всмотрись! В туземцев этих!
В них свет иных реалий! И за ними
грядущее. Когда Европу смоет,
они царями будут на земле.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗВОНОК

— Где ты есть? — прозвучало из трубки.
— А меня нет нигде, — отвечаю.
... Мне ли лгать? Я искал себя тщетно,
столько сил разбазарил и лет,
но себя не нашел, и доныне
бьюсь башкой, и ношусь, как косуля —
и башка вроде есть, и рассудок,
даже — сердце! Меня только нет.

Как взлечу без себя я на небо,
что скажу одинокому Богу:
как себя потерял я, в какую
из эпох, на какой из планет?
Все металось, несло, убежало,
потрясало, рвалось, воскресало,
все сбывалось, и в руки все плыло,
руки вот! И меня только нет.

Что за жизнь (сокрушаюсь) в которой
ты теряешься словно соринка?
Ладно б только семью и отчизну
потерять, или дом и авто.
Снова слышу из трубки:

— Не понял!

Где сейчас ты? Алло! Не расслышал!

— Нет нигде, — повторяю, — а кто ты?

И ответила трубка:

— Никто!

В ТЕЛЕФОННОЙ БУДКЕ

Выплывай скорей из Леты,
отзовись в моем быту!
Таксофон жует монеты
и впадает в немоту.

Я теряю связь по крохам
с этой чертовой трубой —
с Гете, с Пушкиным, с эпохой
и с божественной тобой.

Кто нарушил наши связи
и в какой такой связи?
Мы буксуем как на КРАЗе
в бездорожье и грязи.

Нам осталось только в стены
биться с криками «виват».
Аппаратная система —
будь ты проклят, аппарат!

О, нежнейшее создание,
я желаю каждый час
слышать голос твой, дыханье,
ежедневно и сейчас.

С треском трубку разбиваю —
я взбешен и зол, и крут.
Двое сзади одобряют
учиненный самосуд.

Я даю красиво деру,
понимая, сотню крат,
что виновны здесь монтеры —
ни при чем здесь аппарат.

Но твой вздох из мироздания
словно тень за мной летит.
Слышать голос твой, дыхание —
кто мне это запретит?

НАДЕЖДЕ

Выхожу один я на веранду —
виноград свисает тяжело,
и строчат цикады, и лаванда
источает пьяное фуфло.
Уж давно не мучаюсь похмельем,
ибо вечно пьян я, как гусар.
В воздухе покой разлит с бездельем,
хоть и дроны быют — но пасаран!
Уж инжир созрел давно, но как-то
без тебя мне влом его собрать.
Как-то все не в радость, и де-факто
мне в гусара не с кем поиграть.
Некому достать варенье к чаю,
не с кем мне пуститься в переплет.
Ноутбук бессмысленно включаю,
и стихи кропаю, если прет.
Я хожу на пляж, ныряю в море,
жарю спину, от жары кипя,
ни забот не ведаю, не горя,
пью вино, а в целом жду тебя.
И гляжу на звезды одиноко,
в далях млечных не видать ни зги.
Поразмыслить есть о чем глубоко,
пораскинуть, так сказать, мозги.
Устыдиться в праздности и лени,
позабыв, что я в душе аскет.
В частности прекрасно все! А в целом
жду тебя, как чукча ждет рассвет.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Давно страстей не ведаю в груди,
порывистости ветреной и звонкой.
Размеренный покой с улыбкой тонкой
мне стал путеводителем в пути.

Размеренный покой мое чутье
звериное смолот, как в кофемолке.
Ведь не случайно я рожден на Волге
с рассудочным течением ее.

Желал страстей бы я — иной страны
избрал бы земли, высь и звезд свечение,
где кровь кипит, где горных рек течение
изристо, быстро, но без глубины.

Я не желаю быть у них в плену.
Они всегда слепы, людские страсти.
Страстями постигают похоть власти,
рассудком постигают глубину.

А глубина в неспешности, и вне
огня, восторгов, срывов и надрывов.
Вот почему я вдаль гляжу с обрывов,
а не гарцую с шашкой на коне.

Вот почему мне тишь и соловьи
милы, и слабость к этим незабудкам
питаю, и дружу, скорей, с рассудком,
чем с тем огнем, что плещется в крови.

ДРУГУ ЮРИКУ

Хлынет, примчится, задев о порог,
из обитаемых снов мироздания,
яркое, жаркое воспоминанье:
доки, понтоны, прожженный песок.
Берег Волжанки, жужжанье стрекоз,
Астрахань, «шмонька», пустыня окраин,
КАсим, как Авель, Санек, словно Каин,
ты — первозданно худой, как Христос.
Все для души! Даже пиво с утра.
Как мы материей не дорожили —
рыбу глушили и водку глушили,
кто из стаканов, а кто из горла.
Годы намотаны на оверлок.
Странно, что наши сплетались дороги.
Мы разбежались без грусти, как доги —
дьявол аукнул, откликнулся Бог.
Ты мне пророчил, хоть был не пророк,
что затеряюсь и вынянчу скуку.
Да, я терялся и знал эту суку,
но шлифовал поэтический слог.
С семечко счастья, несчастий с мешок,
жены детей поставляют и рОги?
Мы разбежались красиво, как доги,
только наклюкались на посошок.
Что приключилось? Пришла ли беда?
Спился Санек, в преисподнюю скатился
КАсим, и ты, говорят, опустился.
Я все ломлюсь в неземные врата.

ГАРЬ ДА ПЕПЕЛ

В этом доме давно я уже не бывал,
в этом доме мне больно бывать.
А бывало, что здесь ночевал и дневал —
меня помнят сундук и кровать,

и тяжелый комод, и скрипучая дверь,
и в лепнинах облупленный свод.
Жили бабушка с дедушкой здесь, а теперь
моя мама, к несчастью, живет.

Это лучшее было когда-то из мест —
мой единственный в детстве приют.
А теперь здесь тоска несусветная ест,
ночью крысы картошку грызут.

И ругается мама: «Топи — не топи
эту чертову печь — все равно
в доме холод собачий, как будто в степи,
а не в доме, и так уж давно».

Не топи, моя мама, не стоит труда!
О, тебе ли не знать, что почему?
Ведь из этого дома ушла навсегда
сама жизнь, ну а печь ни при чем.

Сколько дров не спали, здесь не будет, увы,
так тепло и уютно, как встарь.
Все уходит в трубу и помимо трубы,
оставляя лишь пепел и гарь.

Все ветшает, плошает, гниет и притом
пороастает извечным быльем.
Только часто во сне вижу прежний я дом
с развеселыми предками в нем.

То ли в рай утянули они его, то
ли он сам в те пространства ушел?
Без тепла человеческого стены ничто —
гарь, да пепел, муляж муляжом.

ПОВЕЗЛО

Говорят, невезенье — предтеча удачи,
нынче худо, а завтра все будет иначе,
а ему никогда не везло:
ни в любви до могилы, ни в страсти минутной,
ни в ребячестве сонном, ни в зрелости мутной —
все в какие-то лужи несло.

Только вечно не может же так продолжаться,
даже пули в копеечку все не ложатся,
хоть разок, но должно повезти.
Пролетали года, что плели из мгновений
невеселую жизнь без страстей и волнений,
но подбадривал друг:
— Не грусти.

Не грусти! Еще будут и бабки, и бабы,
и нехилая тачка, и пойла неслабо,
и шальное веселье в груди,
и любовь свою встретишь, и недругов взбесишь,
и свершится все то, о чем с юности гредишь,
словом, все еще, брат, впереди!

Но однажды в туман, когда кутались в тоги
фонари и КаМАЗ пролетал по дороге,
под колеса его занесло.
Подошел постовой, осмотрел его тело,
вызвал группу экспертов:
— Готово уж дело, —
Без мучений сыграл! Повезло...

ТЕНИ

Когда супруги, набравшись
под звон летающих тарелок,
уснули детворе на радость
и всем соседям за стеной,
от тел их спящих оторвались
две деликатнейшие тени
и, взявшись за руки, сквозь стену
прошли и встали под луной.

— Прости, что грубым был, —
сказала

мужская тень, — и даже волю
давал рукам. Таков хозяин —
ему я должен подражать.
Когда умрет он, и смогу я
от плоти больше не зависеть,
клянусь луной, что от меня ты
одну лишь ласку будешь знать.

— И ты прости меня за низость
моей хозяйки, — тень другая
произнесла, смахнув слезинку,
что проблеснула, как слюда. —
Когда отпустят нас на волю,
и мы взлетим с тобою к небу,
давай не будем опускаться
до этих чудищ никогда.

— Да-да, конечно, безусловно, —
мужчина выдохнул и плечи

своей супруги утонченной
осыпал лаской без числа.
Так ночь прошла. А утром тени
с лучами утреннего солнца
с уныньем каждая покорно
к своей утробе поползла.

БОЮСЬ РАЗОЧАРОВАТЬСЯ

Люблю я город Мелекес —
дыра по сути, и название
нелепей некуда. Однако
там светоч мед на сердце льет.
Там чувство первое мое
томится, словно в наказанье,
и тайна за семью замками
не рассекренная ждет.

Я не испытывал сильней
любви, чем к той, что в пятом классе
снесла мне крышу, в одночасье
веселье юности убив.
С тех пор, где б ни был я, куда б
ни убегал, в леса и поймы,
ее одну я видел только,
среди волн речных и сонных ив.

О чувство первое мое,
ты не подвластно описанью —
томленье, робость, трепетанье,
случайный взгляд и — мне капут!
И страх щенячий пацана,
что эту тайну, рухнув с дуба,
раскусят и опошлят грубо,
и развонят, и осмеют.

Своей любви я не раскрыл,
ни другу первому, ни боже
кому еще, и не без дрожи

за парту с ней пытался сесть.
Четыре года, целый век,
ее любил я безответно,
эпохи плыли незаметно,
уж детства нет, а чувство есть.

Уж школы нет, ее снесли,
а я брожу здесь ненароком,
с надеждой, что каким-то боком
ее увижу наяву.
А вдруг и вправду с ней столкнусь,
а вдруг, взглянув, разочаруюсь!
Как загрущу, поблекну, сдуюсь,
как скучно век свой доживу.

БАВИЛОНСКАЯ БАЛУДНИЦА

Ты была вавилонской блудницей,
а я был иудейским странником.
Я пришел в Вавилон, что бы праведность
проповедовать на площадях.
Но когда наши взгляды встретились,
и друг к другу зверьми мы кинулись,
я забыл, что такое истина,
задыхаясь в твоих сетях.

Сорок дней и ночей насытиться
не могли мы, хрипя от жадности,
на лежанке сплетались змеями,
и давили телами мух.
А на площади башню строили
в знак победы земной материи,
в знак победы страстей над душами
и в насмешку, что умер дух.

И когда я очнулся в ужасе,
измочаленный весь, изношенный,
обездушенный, небом брошенный,
оскопил, что в себе взрастил,
и с мольбой на колени бросился,
и катался в слезах я по полу,
и просил, умоляя я Господа,
чтоб когда-нибудь Он простил.

Сто веков я себя отмаливал,
сто веков я тебя вымарывал,
сто веков я скитался без вести

в самых черных из всех миров.
Божий свет, что мне дали сызнова,
вынес в мир я с почтенным трепетом.
Но когда мы повторно встретились,
понял я, что погибну вновь.

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ

Прости, мы не встретимся боле,
а если и встретимся, снова,
увы, не сплетемся, как пара
(не помню, каких уже) змей.
Без слез, сожаленья и боли,
без взгляда и доброго слова
навек простимся у бара
и в лона вернемся семей.

Прости, я уеду в столицу
ловить журавля, а возможно
останусь тут чахнуть, но это
не важно, а важно, что наш
презренный союз уже длиться
не будет так зло и безбожно,
и больше судьбе уже слепо
не сделать безумный вираж.

Прости, мы по разным трамваям,
как будто по разным каретам,
с тобой разлетимся и мнимо
растаеть средь толп и шараг.
Мы в мире ином не узнаем
друг друга при встрече, а в этом —
пройдем, как положено, мимо,
ускорив усталый свой шаг.

НОЧНОЙ ИСХОД

Два с холодным бьет педанством,
ночь, да редкие машины.
В этот час с немым упрямством
по домам идут мужчины.

От девиц идут папаши,
от ничейных жен подростки...
Моросит, в кроссовках каша,
каплет мокрое на мОзги.

Уж зола остыла в соплах,
уж антенны в дрему клонит.
Из чужих постелей теплых
кто мужчин на холод гонит?

По своим домам и женам
да по норам холостяцким,
по углам, халупам сонным,
по друзьям, общагам братским?

Так бабьё минуя с пьянством
и хмельные матерщины,
с неизменным постоянством
возвращаются мужчины —

в полнолуние, в непогоду,
в будни, в праздник, в годовщину,
час от часа, год от года —
не понять умом мужчину.

ТА, РОКОВАЯ

Когда с раздраженьем бросаю в тебя
обидное что-то, как камешки в море,
я знаю, что в эту минуту на горе
готовит ответную боль мне судьба.

Ты сносишь безмолвно, как будто во сне,
и грубость мою, и мое недоверье.
Но если я в бешенстве хлопаю дверью,
то знаю — вернется все сторицей мне.

Расплата грядет, белозубо слепя,
с любовью в глазах и невинной улыбкой,
и талия будет безжалостно гибкой,
и бедра круты, как и месть за тебя.

О, явится та, роковая! На нить
нанижет рассудок и сердце изрубит,
блеснет и подразнит, но вряд ли полюбит:
она не любить ведь придет — отомстить.

И все те обиды, что вынесла ты,
уже на меня перейдут в назиданье
заоблачным душам, не знавшим страданья,
но знавшим болото земной суеты.

Ты молча умеешь обиды сносить,
и в том твоя сила, как это не вздорно.
Смогу ли я также снести их покорно
от той, роковой, что придет отомстить?

ЧИСТОЕ КИНО

Поздней ночью в октябре
выгляну в окно.
Что там, что там во дворе?
Чистое кино.

Неуют, тревога, жуть,
ветер — словно див,
Муть в мозгах, на стеклах муть —
чистый детектив.

Моросит, свистит, плывет
туча по Земле.
Ветер мечет, ветер рвет,
лист кружит во мгле.

Долго он шалить без мук
будет с тем листком,
чтоб затем шарахнуть вдруг
об асфальт виском.

Но утихнет. И потом
станет — как трава.
И зашепчет что-то он,
но не верь, листва!

Страсть не ведает стыда —
жалости ничуть.
Ночь. В просвистах провода.
Льнет на стекла грусть.

В ОМУТЕ

Наталии Шульженко

Наша жизнь ползла, как улитка,
без событий и ярких лет.
Как-то раз заплывла к нам рыбка,
излучавшая лунный свет.
Шаловливей она прилива,
и лучистый за нею след,
ну, быть может, чуть-чуть сварлива,
но она излучала свет.

С карасями не стало сладу,
линь от дрема решил слинять,
а где принято пятиться задом —
молодняк принялся шнырять.
Омут молнией весь прошло,
а она, будоража тишь,
за усы сомов тормошила:

— Эй, проснись, или жизнь проспишь!
Но луне не светить в угоду,
но веселью не быть, где мрак.

— Убирайся, ты мутишь воду! —
рассердился угрюмый рак.
И вильнув хвостом неуклюже,
уплыла она в устье бед.
Видно, свет ее был не нужен,
потому что смолчали вслед.
С той поры не поем, не пляшем,
и опять — ни страстей, ни дней.
Все по-прежнему в омуте нашем,
может, даже еще темней.

В ЗАЩИТУ ПЕТУХА

Пожалейте петуха
звездочеты и аскеты!
С неба сыплются кометы,
как из Логоса труха.

Эх, судьбы круговорот —
отпускает крыса баки,
деньги сыплются собаке,
петуху — вагон забот.

Свод небесный — как беда,
а точнее — дуля с маком.
Под каким бы ни был знаком,
он общипанный всегда.

То лягнет его коза,
то горилла одурачит,
то по нем кастрюля плачет,
то змея шипит в глаза.

То в народного врага
превратят при общей драке,
то в какой-нибудь клоаке
псы сгноят за червяка.

Лошадь ржет из-под сохи,
обложился кирпичами
кот, и вол храпит ночами,
а петух строчит стихи.

Он мыслитель и герой,
вестник вечного рассвета.
И портные и поэты
за рассвет всегда горой.

Рыб укутают в меха,
обезьян не ждут возмездья.
Всемогущие созвездья,
пожалейте петуха!

СОЗВЕЗДИЯ

Костер ли распалю во весь накал,
в ночную высь вопьюсь ли, как из ложи,
и удивляюсь дурашливо, да кто же
в роскошной бездне живность разгадал?

Медведицу, Кентавра и Стрельца —
среди хаоса и пыли мельтешенья?
Да чей же это плод воображенья?
А впрочем, эта живность неспроста.

Ой, неспроста! А мы, как туча тли,
что на вилке капустном и уютном,
все размышляем о своем минутном —
а до большого — нет, не доросли.

Быть может, мы действительно среди
той фауны, чьи не окинешь акры,
а мы с планеты видим только чакры,
которые звездАми нарекли.

У КОСТРА

Сидим, молчим, глядим в огонь влюблено,
не то, что днем.

Гудят поленья, листья шепчут сонно,
все о своем.

Дыханье тьмы накладывает вето
на сны и дни.

Вот сорвалась из царства звезд комета
гореть в пыли.

Глядим на звезды, ум молчит, не может:
как мир не прост.

Какая, Боже, ностальгия гложет
при виде звезд?

И на огонь глядим еще часами —
не устаем.

И сердце ноет, ноет, и что с нами,
мы не поймем.

Кто ты, весь этот мир из звезд и пыли,
и кто есть я?

Ночные звуки Землю усыпили,
вином пьяня.

Должно быть, мы в себе два солнца носим,
двух вечных вдов,
планеты дальней, где не семь, а восемь
у гамм цветов.

Там на скафандрах зайчики другие,
там высший класс.
Стартуем мы, прощайте, дорогие!
И нет уж нас!

То время, что едва блеснув оконцем,
все стерло в пыль.
Мне кажется, планета, где два солнца
не сон, а быль.

Не знаю, что есть мир, и на кого мне
в тоске пенять?
Но тайне этой, что храню и помню,
пытаюсь внять.

КУДА ВАЖНЕЙ

За столько лет космических полетов
на всяких штучках-дрючках за пределы
планеты нашей мы не получили
ни райских гущ, ни горних полусфер.
Нам не дала космическая эра
ни счастья, ни ума, ни просветленья,
ни пониманья истин, ни движенья
в миры, где не властитель Люцифер.

Добрей не стали от того, что небо
теперь дырявим мы, но идеала
по-прежнему не видим, пребывая
в невежестве и смутах под луной.
Нас космос встретил холодно. И это
вполне логично. Ведь куда ж, ей Богу,
с червячной нашей лезем мы моралью,
над птицами взлетов — не над собой.

Не пробудило, словом, в нас пространство
ни Божьих искр, ни ангельских порывов,
лишь голливудских расплодив уродов,
привыкших в скудоумье пребывать.
Космический корабль отнюдь не средство
в сближенье с Богом, и не есть лечение
от слепоты. Ведь научиться видеть
куда важней, пожалуй, чем летать.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

В конце концов, и красный слог
не вечен в небесах.

Его засыплет тот песок,
струящийся в часах.

Все устает когда-нибудь,
сбавляет темп, а он
бежит, рождая в мыслях муть
и хороня канон.

Еще вчера не знал тоски,
сегодня — все не вновь:
не приливает кровь в виски
и не зовет любовь.

Брожу в унылом неглиже,
но стоит хоть глазком
взглянуть назад, а там уже
давно все под песком.

Да вправду ль был я там, лепя
из строк эфирный дом?
Но лишь сначала сквозь тебя
проходит жизнь. Потом

сквозь мысли, вехи и тома,
сквозь пыль веков, что вне
тебя, и даль уже нема,
и сам ты в стороне.

Еще ты плоть, но не оплот
земных своих планид.
И вот уж нет тебя, а свод
по-прежнему стоит.

И был ли смысл? Нам не дано
узнать в приливе сил.
Блажен, кто помнит для чего
сей мир он посетил.

Блажен, кто видит что-то сквозь
песок из-под песка.
В конце концов, и время — гость,
а вечна лишь тоска.

ОСОБЕННОСТИ АБСОЛЮТА

Ни абсолютной жизни нет,
ни абсолютной смерти.
Что скажешь нового, поэт,
для этой круговерти?

Что вспомнишь древнего, мудрец,
из Ветхого Завета?
Что абсолютен лишь конец?
Но вряд ли правда это.

Кто скажет, где он, наш причал,
не будучи корыстен?
Но абсолютных нет начал
и абсолютных истин.

Ни абсолютного огня.
ни абсолютных знаний,
ни абсолютного меня,
ни всех моих страданий.

Ничто не вечно под луной,
ничто не абсолютно.
Пути размыты за спиной,
и впереди все мутно.

Зачем горишь тогда, поэт,
за что, мудрец, страдаешь?
Да все за тот же горний свет,
который не познаешь.

НЕ СМЕШИТЕ ЧЕЛОВЕКА

Человеку нужен Бог?
Не смешите человека!
Никакой нужды особой
в Боге нет, как не верти.
Ну, какой, скажите, Бог,
если жгут глаза без меры,
если жизнь хмельнее веры
если счастье впереди!

Если грудь полна любви,
если в сердце только звезды,
разве помнишь о Всевышнем,
из космической дали?
Только тело и огонь,
страсть, вздувающая жилы!
Между вечностью и пылью
выбираем жизнь в пыли.

Выбираем жизнь, поправ
эфемерное бессмертье!
Выбираем небо в стразах,
и троянский ход с конем!
Человеку нужен Бог?
Да помилуйте, ей Богу!
Лишь когда накатят беды
вспоминаем мы о Нем.

И тогда приходим в храм,
и к иконам припадаем,
как обиженные дети

припадают к мамам, чтоб
их утешили бедняг,
а потом, всплакнув немного,
во дворы опять несемся,
где соблазны, что ни шаг.

По большому счету мы
соблазняемся охотно,
вожделенья ставя выше
всех космических чертог.
Человеку нужен Бог?
Не смешите человека!
Только сам себе он нужен,
сам себе и Бог, и лох.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Уж не мыслю я пространно,
уж не грежу я подлунно —
это более чем странно,
это менее чем струнно...

Снова выдавлен, как тюбик,
снова туча, будто гробик,
а закат играет в рубик,
а рассвет целует в лобик.

Те же нивы и разливы,
те же звезды, и немало,
только где они, порывы,
и все то, что потрясало?

Все проходит постепенно,
страсти, чувства, убежденья,
неизменно и нетленно
приближая пробужденье.

Чем я жил — уже не важно,
сон — журавль, а явь — синица.
Умирать совсем не страшно,
страшно в сон не возвратиться.

СПАТЬ ОХОТА

Снег на стеклах, словно пудра,
и размыты фонари.
Здравствуй, заспанное утро,
утро, черт тебя дери!

Заскулил внизу напильник,
наверху поднялся лай,
и ехидно, как будильник,
на кольцо звенит трамвай.

Сын вскочил в четыре ночи
кукле носик отгрызать.
Спать охота — нету мочи,
боже, как охота спать.

Потянулась сладко мама
грациозная, как лань,
и изящная как лама —
то ли инь, а то ли янь.

Не забыть бы по порядку
встать, побриться, прожевать.
Сын в описанной кровати
начинает бушевать.

Репродуктор, будто сводня,
надывается с утра:
завтра лучше, чем сегодня,
а сегодня — чем вчера.

Кофе лучше, чем какао,
Питер лучше, чем Париж.
В холодильнике по праву
ищет виселицумышь.

Встать, побриться, выбрать фото,
и заметку в номер сдать!
Мочи нет, как спать охота,
Боже, как охота спать!

НАМЕРЕНИЕ

Хорошо проснуться в пять —
все на свете мило дремлет,
тишина сопенью внемлет,
на душе ни дать, ни взять
вновь безоблачно, внутри
мир без распрей и безумий.
Разум требует раздумий,
сердце требует любви.

Хорошо проснуться в шесть —
бездна времени о вечном
поразмислить в вихре скетчном,
уяснить про стыд и честь.
Час поерзать, вороша
дней прошедших пепелища.
Телу требуется пища,
вишней требует душа.

Хорошо проснуться в семь,
пусть с весьма помятым ликом.
Поздно думать о великом,
и взывать к порывам лень.
Мировой огонь в крови
разжигать весьма курьезно —
поздно, батенька, все поздно,
кроме, разве что, любви.

ПОДРАЖАНИЕ ЦВЕТАЕВОЙ

О вы, чьи розовые попки
напоминавшие мячи,
чьи взгляды ветрены и робки
как пламя огненной свечи,
чьи в кружевах чулки и лифы
низводят все до па-де-де.
Очаровательные нимфы
из варьете!

Как преуспели вы в искусствах
пленять юнцов и молодцов,
глупцов отчаянных, и в узах
отцов семейств, и нагледцов.
Одной улыбкой вам подвластно
пустить святошу на порок,
на подвиг — труса, ловеласа —
лобзать сапог.

Очаровательные крали!
Без вас дороги в никуда.
Вы в номерах белье теряли,
за ними — честь, но никогда
очарованья. И до гроба
вам грех не будет здесь воздан,
пока округлы ваши бедра
и тонок стан.

В любви, и в дружбе, и в монете
познал я истины чертог.
Я столько лет прожил на свете,

а вы все те же, видит Бог.
Все те же глазки, и кудряшки,
чтоб вечно голову кружить.
Без вас, мои очаровашки,
На кой мне жить?

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Когда-то, помнишь, мы плутали
с тобой по ветреной Москве?
Стихами встречных осыпали,
тонув то в лужах, то в листве.
Нам чувства вечными казались
при свете звезд и встречных фар,
и локотки у нас касались,
и падал свет на тротуар.

С тех пор, как жизнь нас разлучила,
я разлюбил в ночи гулять.
Стихи свои пишу в полсилы —
их стало некому читать.
Теперь я вечно пребываю
в печали, и в мирских грехах.
На мир фонарный уповаю,
что был замешан на стихах.

И тешусь тем, что обвенчали
с тобой ночные фонари.
Ты утоли мои печали,
когда мы встретимся в дали —
в чужих мирах, в чужих пространствах,
куда допущен будет всяк.
Стихи нам будут в тех убранствах
опознавательный наш знак.

НАСЛЕДСТВО

Когда отправлюсь в лучший мир,
что я оставляю в худшем мире? —
Тоску по горней жизни в лире,
что очищала тут эфир.

Оставляю тягу к доброте
и к чистоте такой далекой,
к любви божественно-глубокой,
что не ценима на Земле.

Еще, должно быть, славу я
оставляю тут до погребенья,
но главное — свои стремленья
к познанию истин бытия.

«Бог с вами, люди, — я скажу, —
примите труд мой бесполезный!
Не знаю, свидимся ль за бездной,
а тут — уж вряд ли. Ухожу...»

Когда же сердцем отдохну,
в долинах звездных, то обратно
я попрошусь, но, вероятно,
уже иную быль вдохну.

Иное племя в оный час
латать земные будет свищи.

Оно возвышенней и чище,
и справедливей будет нас.

И света больше будет в них,
честней и человечней лица.

И будет в том моя крупица
наследства помыслов моих.

ГУСЕНИЦА

Она жует, всегда жует,
да вяло шелестит листвою.
Она готовится и ждет,
как станет бабочкой весной.
Тогда с галантной простотой
начнет витать и трепетать,
и дуг нездешней красотой,
порхая, станет ослеплять.
В благоуханье всех цветов
она вольется, как волна,
и стрекот луговых хитов
заполнит всю ее сполна.
И свет совсем иных отчизн
пронзит под легкость бытия.
Прощай, жирующая жизнь
и в листьях сонная возня!
Блажен воистину тот час,
способный в небе удержать!
Но это позже, а сейчас
ей нужно жрать и жрать, и жрать.
Там мы, не замечая весь
бедлам, присущий жадным ртам,
себя не видим жрущих здесь,
но грезим бабочками там.
И мы, как гусеницы, ртом
сей мир стремимся постигать.
Неужто, чтоб порхать потом,
нам нужно жрать и жрать, и жрать?

ИСПЫТАНИЕ БАБОЙ

Послушай, тетя, ведь недаром
ты соблазняла дядю с жаром,
потом отпыхнув от угара,
о нем забыла навсегда.
А он, изрядно погрузневший,
и очень сильно погрузневший,
угрюмый и с утра не евши
глотает водку из горла.

И собутельникам он в муке
про баб талдычит по науке,
такие вот бывают суки —
дают и замуж не идут.
Чужой пример — слону дробина.
Пойми же, пьяная дубина —
не постоянна секс-бомбина,
а постоянен только кнут.

На это дело, сверху глядя,
вздыхнут с укором:

— Что ж ты, дядя, завшивел
так, обиды ради,
на баб повесив всех собак.
А если рок для назиданья
пошлет почище испытанье?
Что станется с тобою, дядя?
Всего лишь баба! Эх, слабак!

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЖИ

Я лживых не люблю,
хоть сам я лгу безбожно,
предчувствуя тревожно,
что снисхожу к нулю.
Все ложь на свете!
Что ж так голова кружится?
Когда ж успел я вжиться
в сей мир, ценою в грош?

Здесь нужно лгать и власть
блюсти людских устоев,
чтоб в лежбище изгоев
до срока не попасть.
Крутиться и юлить,
не помня о Всевышнем,
чтоб ни себе, ни ближним
страданий не чинить.

И дураков терпеть,
и притворяться глупым,
чтобы однажды трупом
не лечь под чью-то плеть.
Играть пустую роль
в бездарной этой пьесе
и тупо в желтой прессе
жевать «бытухи» соль.

Ей Богу, только ложь
сей жизнью этой правит.
Что день грядущий явит? —

Живешь — пока ты лжешь.
Живу, пока могу,
(кровь застывает в жилах)
и, ненавидя лживых,
я сам безбожно лгу.

МЫСЛИ В НОЧЬ

Уж первый час, пора бы спать,
а мне не спится.
Мой чай остыл, на сердце гладь,
пусты страницы.
Из крана каплет. На душе
опять дождливо.
Мне даже некому уже
сказать: «Счастливо!»
Бежать! Душа еще горит
и просит действие.
Но как доверчиво сопит
мое семейство.
Что в этой жизни нас ведет,
а что низводит?
Но замер свод, и сон нейдет,
и жизнь проходит.
Да кто же (знать нам не дано)
нас за нос водит?
Проходит все на свете, но
к чему приводит?
Мне сорок лет и сорок зим,
а я — не Цезарь.
Я глуп и нищ, и нелюбим,
к тому же — бездарь.
Уж первый час, пора бы спать,
в душе не звёздно.
Бежать! Сначала все начать!
Да слишком поздно.

КУДА УХОДЯТ МЫСЛИ

Куда уходят мысли,
где мысли обитают?
И раз блеснув, ужели
в небытие впадают?

Пучками ли стреляют,
как альфы или беты,
пронзая тьмы вселенной,
волнуя волны Леты.

Частицы сквозь приборы
проходят, как сквозь сито.
А может, это мысли
давнишние и чьи-то?

Давно уж их владельцы
погребены во чванстве,
а мысли все блуждают
в блуждающем пространстве.

В неведомых заботах
снуют, плывут, витают
и ждут, когда их кто-то
когда-то разгадает.

Куда уходят мысли,
в какое худо-юдо?
Еще узнать бы, кстати,
приходят к нам откуда?

ГОДЫ

Так быстро весна пролетела,
что я не успел и влюбиться.
Шныряешь в каких-то заботах
без перла в башке из Завета.
И некогда брэнному телу
дать отдых в какой-нибудь Ницце,
и вязнешь, и вязнешь в болоте,
и нет никакого просвета.

Разбилась любовная лодка
о быт по классической схеме.
Все менее тянет влюбляться,
а следом — казниться по Линчу.
Утешит единственно водка,
да ангел попозже в Эдеме,
и самое время спиваться.
да сложно с финансами нынче.

Июнь на исходе, а следом
и лето пройдет — не заметишь.
и все без любви и погоды
той самой, где ветры по Норду.
Все больше внимаешь аскетам,
все меньше желаньями грезишь.
Куда улетаєте годы?
Да, видно туда же все — к черту!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

1

Этот дождь, как недуг,
испечалил всю грудь.
Слушал стоны и стук
и не чаял уснуть.
Барабанил и пел
он в бессонной ночи,
в черных лужах кипел,
как поленья в печи.
На карнизе плясал,
разводил пузыри
и на стекла бросал
то горох, то ручьи.
Бесконечность плести
начинал и кончал,
будто мысль донести
до рассудка мечтал.

2

Этот дождь, как недуг,
за ночь душу сгноил.
Ты о чем, милый друг?
Утомил... Опоил...
Но с досадой швырял
он дождинки в окно
и опять укорял:

"Да пойми же одно..."
Только я изнемог
этим всхлипам внимать.
Слушал песнь, но не мог
я ни звука понять.
Лишь унынье без мук
я копил на потом.
Ты о чем, милый друг?
"Все о том же, о том..."

3

Если ты про года,
о которых забыл,
не буди никогда
их веселье и пыл.
Если прошлое ложь
и эфирная муть,
отчего не даешь
в эту ночь мне уснуть?
Но с рассветным вином
я прозрел, как пиит:
то не дождь за окном
шелестит и звенит.
То не дождь! Это я
лью печали струи —
это юность моя,
это чувства мои.

МОЙ ГАРЕМ

О, эта дама моего гарема
и эта дева, что звезда Гомера,
и та, с детьми, катящая коляску,
и та, с улыбкой блеклой на устах.
Я узнаю их в сутолоке серой.
Да как же много стало в них печали!
А ведь они когда-то пребывали
в роскошном месте в сказочных садах.

Все это было на другой планете,
которую я вылепил из пыли,
влил океаны и дворцы воздвигнул,
разбил сады и насадил цветы.
Там девы были — краше не бывает,
я собирал их сам по всей вселенной,
чтоб мой гарем прославился как вечный
и славный дом любви и красоты.

Среди цветов, фонтанов, чистых храмов
там счастливы все были, и сиянье
рассветов и закатов дополняли
улыбки дев, глаза их и уста.
При виде них у путников смягчались
сердца и искалеченные души
в божественное что-то превращались,
ведь души лечит только красота.

Но час пробил, явился старец в нимбе
и произнес с укором:
— Все сияешь?

Блаженствуешь в кругу своих красавиц?
А мир внизу померк от темноты!
Повсюду злоба, грубость и лукавство,
и ближних поедание — как яство.
Мир потому и болен, что не видит
целительную силу красоты.

Я распустил гарем, дворцы разрушил...
Зачем они, когда своих прелестниц
я отпустил в угрюмый мир с надеждой,
что красотой они возвысят дух?
Теперь встречаю их таких усталых,
таких поблекших, вымотанных, вялых...
Я их спустил сюда, чтоб мир улучшить,
а мир безбожно превратил их в шлюх.

ИГРА В ПРЯТКИ

Печалью залит это свет,
и грустью залит он.
Но я любви оставляю след,
пусть даже — это сон.
Ведь грусть с печалью — не беда,
беда — где не горишь.
Что свет и тьма тебе, когда
ты беспробудно спишь.
Когда-нибудь и где-нибудь
меня разбудят и
полюбопытствуют про суть
в мирах, где нет любви.

— Ты славно прятался, но мы
нашли тебя, дружок!
Как без любви там, расскажи,
повергни ближних в шок!

— Вы ошибаетесь! — вскричу. —
Любовь, она везде —
во сне ли гредишь, наяву,
в блаженстве ли, в беде.
Вживусь в любые се ля ви,
где буду я влюблен,
ведь сон не там, где нет любви
а где ей обделен.

Взорвется хохотом народ:

— Да полно городить!
Теперь мы прячемся! Черед
пришел тебе водить.

ДВЕНАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ

Ветреный день. Суббота. Двенадцатое сентября.
Шесть миновало лет, а кажется — шесть веков
с дня нашей свадьбы. Милая, помнится ради тебя
я, одурев в тот день, отказывался от стихов.

Шелест листвы, на редкость не хмурое утро,
и в нем
символ всей нашей жизни, которая все течет.
Как одиноко мы жили все эти века вдвоем.
Все утекло.

Твой взгляд теперь похож на банковский счет.

Ветреный день в рябинах. За окнами кадиллак.
Давят стихи на шею с тяжестью наглой слона,
что оказались не тем, отчего отказаться так
просто, как, например, от женщин, иль от вина.

Сын наш зовет гулять в сады,
где оборвано все давно.
Я — после сна, в котором уж тысячу лет война.
Я потерял границы меж явью и сном. Одно
в памяти, что сегодня двенадцатое сентября.

Я не могу без вас, но и с вами пойти в сады
я не могу.

Стихи застилают мне этот не лучший свет.
Знаю, что канем куда-то: и сын наш, и я, и ты —
Жизнь, ведь она на миг, и только стихи — навек.

ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ

Мои причуды сеять рифмы
и заключать в размеры мысли
не приносили ближним счастья
и дальним радость не несли.
Меня терпели в этой жизни
лишь за характер мой беззлобный,
а Божий дар не замечали
ни в перспективе, ни вблизи.

Мне попадались, словом, люди
не поэтического склада.
Для них я был как чужеземец,
а то и более — кретин.
Средь человеческого стада,
что измеряется в миллиардах,
я с пацанячества доньше
всегда один, всегда один.

Но видит Бог, как я старался
вживаться в суетность и бытность,
в земные страсти с головою
бросаясь с резвостью блохи.
Но как бы ни было, под вечер
я снова слышал зов глагола,
и в сотый раз под брань семейства
садился смирно за стихи.

А жизнь все больше нагружала
меня заботами, и это,
должно быть, было наказаньем

за то, что я не дорожил
ничем на свете, кроме этих
четверостиший на бумаге,
в которых истинная сущность,
в которых истинно я жил.

СНЫ

Мы сыны столь будничной страны,
что в однообразии теряемся,
в судьбах и в поступках повторяемся,
и неповторимы только сны.

Кто их лепит, Боже, от стены —
красочные, сказочные, мутные?
Дни такие серые и нудные —
где цвета отыскивают сны?

В откровенье фосфорной луны,
или в сердце просветленной Азии?
Вот где нескончаемы фантазии,
но откуда черпают их сны?

Кто творит их и каким огнем,
в коем и намека нет на тление?
И откуда столько вдохновения?
И какая связь тут с бытием?

ЛЮБИТЕ ЖИЗНЬ

Любите жизнь, какой бы ни была,
возносит ли она, в неволе губит!
Пусть милая вам стала не мила,
и самого уж вас никто не любит.

Пусть в счастье смысла нет, но мы куем
подковы, посыпая раны солью.
Любите жизнь, которой мы живем,
которую потом покинем с болью.

А судьбы наши вправду как лото,
и счастье — дым, и на любовь пеняем.
Любите жизнь! Вы спросите, за что?
За то, что жизнь иную мы не знаем.

ДЕТСТВО

Не отпускал я детства долго,
оно сейчас во мне как нож.
Конечно, нету в этом толку,
и смысла нету ни на грош.

Бываю дерзким и несносным,
рублю с плеча, пилю свой сук.
Когда же стану вечным взрослым
серьезным буду, как барсук.

Меня покинут серафимы,
а я покину милый брег.
Всего-то миг живем детьми мы,
а взрослыми — весь скучный век.

Как это верно будет грустно
расстаться с детством навсегда.
Не те стремления и чувства,
не те сомнения, когда

гоню житейские я мысли,
храню наивность и мечты.
Во сне мне детство пишет письма,
вертя в каракулях листы.

Цветным мелком по лицам постным
проводит шалостно рука.
Ведь если вправду стану взрослым,
то уж на вечные века.

ПРАКТИКАНТ

Боже, четвертый уж час,
за морем брезжит едва.
Волны волнуются раз,
волны волнуются два.

В море с рассветом уйдем —
сердце от счастья замри!
Волны волнуются днем,
ночью волнуют в груди.

Ночь миллиардами глаз
смотрит на спящий Содом.
Волны волнуются раз —
цепи звенят за бортом.

Волны волнуются три.
В кубрике свисты и храп,
в Таллинне храп и в Твери,
дремлют канаты и трап.

Судно колышет едва,
море под звездным огнем.
Кореша, дружи, братва,
сколько мечтал я о нем!

Хоть напоследок соври,
что-нибудь, боцман, ужо!
Волны волнуются три.
Господи, как хорошо.

Волны волнуются пять.
Снова за морем рассвет.
Кто же назад будет ждать?
Кто же помашет мне вслед?

Волны волнуются шесть.
Дремлет морское зверье.
Утром, как выберут цепь,
кончится детство мое.

В БИБЛИОТЕКЕ

Мне никогда не скучно среди книг —
мне скучно средь людей.
Лишь в книгах я ловлю волшебный миг
из бытия идей.

Прекрасный миг, который впору бы
остановить навек.
Но мы, увы, забот своих рабы
без мысли на побег.

Какое счастье трогать и листать
потертые тома.
Ты по уму их можешь выбирать,
людей же — шлет судьба.

ЧААДАЕВУ

А захочу одиночества, выйду
ночью из дома, отправляюсь на пруд.
Звезды мерцают в нем. Тетку Фемиду
даже узнаю средь звезд этих тут.

Скучно зевну и, душой не оттаяв,
тихо припомню всю горечь утрат.
Все это видел я, брат Чаадаев,
кажется, пару столетий назад.

Хоть проживи еще вечность на свете,
будет все так же у нас на роду —
те же все пяди во лбу, и в Совете
те же все бляди, и звезды в пруду.

Мысли все те же, и та же в них вялость,
души, что затхлостью заволокло.
Тут ничего никогда не менялось,
и ничего никуда не текло.

В прошлом тоскливо, в грядущем туманно.
Пруд. И в пруду без движенья вода.
Кстати, живем мы действительно странно —
правда, не странней, мой друг, чем всегда.

Словом, печально. В усталые ноздри
затхлость вползает под лунную сень.
Те же в пруду затонувшие звезды —
с бреднем пройтись бы, да как-то все лень.

СЛОВНО ЗАЛ ОЖИДАНЫЯ

Ожидаю и жду,
а чего? Не пойму:
то ли в доме беду,
то ли в доле суму.
Жду зимою весны,
а весною листы,
а в июле хочу,
чтоб замерзли мосты,
чтоб пришла ты ко мне,
как в причудливом сне,
утопить при свечах
в простынях и вине.
Но опять буду ждать,
чтоб ушла, возвратив
мне стихи, и грехи
на меня навалив.
Эта жизнь, словно зал
ожиданья, и в нем
некто кликнул, позвал
и обжег, как огнем.

Вновь зима.
Вновь смотрю
на пургу — не горю.
Жду весны, жду тепла,
грежу, в фортку курю.
Жду капли, но вот
на пути гололед,
жду, когда он пройдет, —
дни и месяцы... год...

Но уже невтерпеж —
двери двину плечом,
так умрешь, как живешь,
не поняв, что почем.
Ожиданье. И вновь
не вникаю я в суть.
Агу себе про любовь,
про отпущенный путь.
Жду и агу, и вишу
над землей как могу.
Снова жду и пишу,
и пишу, словно агу.
Все сначала начать
соберусь поутру,
и опять буду ждать,
и когда-то умру.

Пустяки. Ничего.
Видно, так на роду...
Но дождусь ли того, что
так истинно жду?

ТАМ ЖИЛИ МУЗЫ

Античность мне милей, чем современность —
там жили музы, и мирская бречность
не так давила глыбой на мозги.
Герой там не был царским лизоблюдом,
и похваляться тупостью и блудом
никто не смел, урвав свои куски.

Там презирали служащих богатству,
ценили ум, отвагу, панибратство
и мысли, что рождали мудрецы.
Там не могли достигнуть высшей власти
предатели и воры, как и в части
военной славы трусы и лжецы.

Любили краткость там и точность слога,
ценя в себе достоинства от Бога,
и презирая правду от кротов.
Там не велись дебаты по вопросу
«как жить», к примеру, скажем, на Родосе,
«а для каких произрастать садов».

НЕ ТЕРПЛЮ

Я не терплю паучьих лап
и тех, кто некогда продался,
я презираю всех, кто клялся
в махровой дружбе, словно раб.

Я не боюсь своих врагов,
бродя в созвездьях элитарных.
Боюсь друзей своих бездарных
среди Божественных лугов.

КАК НА ГРЕХ

А еще обожал он спускаться в метро
и бродить в переходах, вживаясь в нутро
озабоченной жизни подземки.
Никуда не спешил, никуда не бежал,
снисходительно слушал, как мило лажал
музыкант у мозаичной стенки.

Одинокая шляпа, и в ней ни рубля,
синтезатор дешевый, но пенье не для
пробегающих толп, как известно.
И у нашего друга мелькало в глазах
соучастие, как у кукушки в часах,
потому что он сам был маэстро.

На губах выступала улыбка «зер гуд».
Дома клавиши, ноты и каторжный труд,
и пюпитр, измочаленный в граппу.
Дома тяжело, а здесь отдыхала душа,
но смущало, что нет у него ни гроша
и подать ему нечего в шляпу.

— Ничего, — сам себе говорил он, — когда
стану я знаменит и богат как звезда,
обойду я их всех, музыкантов,
и наполню их шляпы купюрами, пусть
хоть на время откатит их вечная грусть
из-за тягот, присущих таланту.

Все сбылось, и он стал знаменит и богат,
и любим, и востребован, и нарасхват,

и купил себе джип «Гелендваген».
И уже никогда не спускался в метро,
и на светских тусовках с бокалом «бордо»
думал только, как он уникален.

Лишь под вечер, в какой-то непрошенный миг,
вспоминал он забытых в метро горемык,
их унынье и горечь в вокале.
«А была ведь заначка! — сверлило внутри, —
но она полагалась на черные дни,
а они, как на грех, не настали».

СМЕХ И ГРЕХ

"Смех и грех" не просто фраза,
и не просто слов созвучье,
и, конечно, не случаен
их классический союз.
Ибо только грех рождает
смех, веселье и румянец,
и в грехе сверкают зубки,
как жемчужины у бус.

А вот "праведность и бледность",
или "бедность и унылость",
или "честность и угрюмость",
или "правда и прорех"
тоже как бы ходят рядом,
не соседствуя в понятиях,
но звучат не так эффектно,
как родные "смех и грех".

МОНАХ

А что в Мадриде? А в Мадриде
такая ночь, что просто "ах".
Все спят давно, и лишь в обиде
на Бога вновь один монах.

Он свечи жжет. Он "аллилуйя"
шептать забыл в своем дому.
Кому не спится в ночь глухую?
Да-да... Конечно же ему,

монаху, что лепечет:
— Боже! —
сжимая томик в кулаке, —
О как на ангела похожа
та прихожанка, донна Кэ.

На что бессмертье мне, Мадонна,
на что, Мадонна, ряса мне,
когда такая крошка донна
ступает ножкой по земле?

На этой мысли что-то Богу
пообещал он впопыхах
и, нацепив шпажонку с боку,
под звезды выбежал монах.

И был он доном в лучшем виде,
и холод шпаги был в руке,
и все пути вели в Мадриде
к той прихожанке донне Кэ.

Но, Боже Правый! Под балконом
уже стоит какой-то дон,
и голосом совсем не сонным
изображает что-то он.

И прошептал монах:

— Изыди!

Сверкнул глазами, вздернул бровь...
Мадрид — всегда Мадрид! В Мадриде
опять прольется чья-то кровь.

БЛАГОДАРЮ

"Жил на свете рыцарь бедный..."
А.С. Пушкин

1

Где-то в Пруссии у моря
славный рыцарь жил.
Чертом был он в бранном поле,
с дамами же был
молчаливым и пугливым,
как багдадский вор,
и, при виде их, стыдливо
притуплял свой взор.
Рядом замок был соседский
с виду повидней.
Жил вассал там королевский
с дочерью своей.
И была она прекрасна,
лишь сравнить с луной.
Но о ней мечтал напрасно
дас ист рыцарь мой.
Лишь ему встречалась фея,
тут же, все кланя,
он пришпоривал, бледнея,
бледного коня.
И от встречи от случайной
ветром мчался прочь,
а потом глядел печально
в небеса всю ночь.

И плутала в звездах где-то
милая мечта,
и вздыхал он до рассвета,
душу изводя.

2

Но вернувшись раз с чужбины,
весть услышал он,
что его полубогиню
в жены взял барон.
Сорвались ветра шальные,
ахнула гроза.
И на меч его впервые
капнула слеза.
Долго рыцарь был задумчив,
недвижим и глух,
и к утру, себя измучив,
произнес он вслух:

— Если есть оно, святое, —
жизнь не сбережет,
если жжет кого земное,
то насквозь прожжет.
Рыцарь встал:

— В поход крестовый
отправляюсь я.
Эй, подайте меч отцовый,
эй, скорей коня!
Если я навек останусь
в неродном краю,

я заранее не каюсь,
я благодарю.

3

С той поры никто не слышал
больше про него.
Обвалилась в замке крыша,
бурей мост снесло.
Только часто, на дороге,
где священный грот,
баронесса, видят боги,
все кого-то ждет.

КОРШУНЫ

Мерцает мой путь по ночам, будто скат,
при лунной и ясной погоде.
Гремучей змеей полыхает закат,
надежды и день на исходе.
Ни капли воды, нет травы для коня,
кибитка понуро плетется,
и ветер срывает рубашку с меня,
и коршун под облаком вьется.
Бездомный, бездонный, безлюдный Техас:
ветра, да песков песнопенье.
Я в золото верил, не верую в вас,
лихие мои невезенья.
Хоть песни кричи, хоть на банджо играй,
о замках мечтай своих сонно.
Да где же он прячется, сказочный край,
который зовут "Аризона"?
От стремени жутко устала нога,
по небу глазами шныряю.
Стервятник угрюмо нырнул в облака,
я вслед в свои замки ныряю.
Поверю, досаду свою хороня,
что ждет за скитанья награда:
жилище, прохлада, навес для коня —
чего еще в жизни мне надо?
Но снова с утра горизонт и пески
измученный взгляд обнаружит.
Умру от жары, невезенья, тоски,
не зря эти коршуны кружат.

АЕРМОНТОВУ

Что на роду вам звезды начертали,
стреляться сотню, или двести раз?
Но свет, который вы избичевали,
щадил ваш гений и конечно вас.

Убить сто раз могли вас на дуэли,
но был особый вам отпущен срок:
судьба крутила, вашу желчь терпели,
и был не столь жесток проклятый рок.

Вы к роковой могли привыкнуть доле,
но не могли над бездной не парить.
"Ты хочешь знать, что делал я на воле?" —
Приобретал, как все, привычку жить.

Но в бренном мире разве сыщешь воли?
Что до привычки таять в облаках —
вопрос к душе. Она, как птица в поле,
лишь в них живет,
да в пыльных дневниках.

Но Мцыри умер. Умер бедный Мцыри.
Чернила сохнут, пот струит со лба.
Что делал ваш бедняга в этом мире?
О том молчок. У всех своя судьба.
Скала. Два пистолета. Кони в мыле.
В глазах вопрос задумчивый застыл.
Спросите, что я делал в этом мире?
Ответил выстрел... грянул выстрел: "Жил!"

СОЧИ

В поздний вечер пишу я стихи,
вспоминая шикарные очи.
Ночь нисколько ума не короче,
нем причал, парашеты глухи.
Засыпают полночные Сочи.
Жгут в долинах костры пастухи.

За окошком не видно ни зги,
кроме точки моей папиросы.
Я твои реставрирую косы,
подыхаю без них от тоски.
И кусают обиды, как осы,
и безмолвие рвет на куски.

Упаси меня петь о любви.
Мгла бедой и уныньем нависла.
В ожиданьях ни света, ни смысла,
носят разные нас корабли.
В летнем домике дым коромыслом,
но пожарные спят патрули.

Докурил. Не просвета в окне.
Сочи спят. В бездну катится глобус.
Убегает последний автобус,
догорает фонарь на столбе.
Только вот не смолкает твой голос,
только сердце болит о тебе.

ИЮНЬ

Все льет за окошком, да льет,
и что ему, право, в июне не литься?
По листьям черемухи бьет,
молотит по листьям, звенит и резвится.

Понурились ветви. Листва
поникла, как будто и впрямь виновата,
как будто не хочет родства,
как будто настала за что-то расплата.

Но я усмехаюсь не в лад:
ведь это игра точно женщины с мужем,
чем больше отхлещет их град,
тем ветви свежее их будут и туже.

Прохожие, вот чудаки,
под крыши свои разбежались в испуге.
Да скиньте ботинки, носки,
подставьте под струи затылки и руки.

Не знаю, боязнь ли ментов
их держит под шляпами. Только примета:
чем больше раскроют зонтов,
тем больше состарят себя в это лето.

ОДНАЖДЫ

без особого изумления
я увидел и сказал себе «здрасьте!»
На заборе висело объявление:
«Меняю славу на счастье».

Далее
абсолютная мистика:
было выведено, как будто ощерясь:
«Меняя старую истину
на первобытную ересь».

Рядом
калитка втиснута,
возможно б, я в нее не вошел,
но на ней красиво написано:
«Всякой швали тут вход воспрещен!»

За нею,
как в сказке на празднике, ларьки
и табличка из лужицы:
«Склочники, и колбасники не
обслуживаются!»

Все понятно.
Но что же тут странного?
Наверху плакатик качается:
«Вновь явившийся, помни главное,
лгать и подличать запрещается!»

Ты смотри
что на свете-то делается?
Обратились ко мне:
— Простите,
что у вас за душою имеется?
Если только душа — входите!

На аллейке
цветы печалятся,
рвать их можете вы без опаски.
Но учтите, они здесь дарятся
за красивые глазки.

Остальное
с ребячьей шалостью
за здорово живешь отваливается.
— Не фиг! — я запрыгал от радости, —
просто сказка, и здесь мне нравится!

— Разбирай
шабашню, бесшабашные!
По кабинам,
артель бескабинная!
Подождите же... вы бесшалашный?
Та, с ракетками, ваша любимая!

Ошалел
я от выстрела в точку,
а она улыбнулась мне сладко
и добавила нежно, что ночью будет
ждать за какой-то палаткой.

Начинаются
с вечера блюзы
и ломбады всю ночь до икоты.
— Извините, а вы в Союзе —
не писателей, нет! — Дон-кихотов?

— Ради вас
хоть сейчас на луну! —
гаркнул я, да не то что-то вышло.
До сих пор я никак не пойму,
почему меня, собственно, вышвырнули?

С той поры
полюбил я гулять
и смотреть на заборы с укором, только
свой не могу отыскать
и еще не могу я понять,
почему было все за забором?

ПЕРЕХОД

Опасный переход,
опасней не бывает.
Здесь каждый день сбивают,
послушай, пешеход!

Но только пешеход
снует в своих заботах,
в которых, как в болотах,
уже который год.

И лишь когда блином
размажут на асфальте,
замрут, как при пенальти,
сердца в миру ином.

Но тело уберут,
искурят папиросы,
и снова под колеса
помчится божий люд.

Помчится по делам
своим каким-то, зная
что беготня земная —
есть путь в небесный храм,

что жизнь земная — сон,
где сбиты все заочно,
но каждый знает точно,
что именно не он.

ОТ ЧИСТОТЫ ДО ГЯЗИ

Наутро снег уважить
свалился как с куста.
Сошла на Землю княжить
нагая чистота.
Девницею пречистой,
что нынче не в чести,
явилась в свой лучистый
и чудный храм ввести.
Октябрь. Суббота. Звонкий
ледок под каблуком.
Прозрачен воздух. Тонкий
дымок над городком.
И не шел Охнут липы,
не вздрогнут до весны.
Под снегом листьев кипы
досматривают сны.
Морозец. Первый иней.
Сферический Содом.
Бодрюсь, как Старший Плиний,
и думаю о том,
что солнечные чары
еще не столь слабы —
разнюнутся бульвары,
повалят вверх клубы.
И вновь из князей в грязи
дадим мы круголя.
От чистоты до грязи
лишь градус от нуля.

НА КИТАХ

И не везет, и деньги не ведутся,
и вид февральский не пьянит очей.
Не отличаю дней уж от ночей,
но ощущаю, как они несутся

в небытие. Хотя это не научно.
Но я с наукой с детства не в ладах.
Не важно, что стоим мы на китах,
а важно, что живем на них так скучно.

Точнее, умираем. Бесконечность
из блеклых дней рождает лишь эмаль.
А за окном который год февраль
бесцветно претендующий на вечность.

Так скучно, что не хочет даже биться
порою сердце, втиснутое в «Форд».
И я вздыхаю, дернул же нас черт
в таком краю несолнечном родиться.

В таком краю, где все давно отпето,
где льды уперлись мертво в парапёт.
И столько лет по льдам скользим без света,
и есть ли он, тот сокровенный свет?

И лишь когда меня ты ловишь в сети
своих ресниц у сонного окна,
вдруг понимаю, что любовь одна
и есть тот свет единственный на свете.

АНГЕЛ

Ты ангел который воркует на крыше
О знаках и звездах... Так сделай же тише!
Подумай, зачем тебе столько значений?
Ты слеп, но велик, потому что ты гений!

Ты град, ты гроза, ты от Солнца осколок,
Ты света кусок, ты клубок из иголок,
Ты слава, ты нежность, ты счастья глоток,
Ты мощь! Ты надежда на следующий слог.

09.01.2025

ТАИНСТВО ТВОЕЙ ДУШИ

Близнецовое пламя — зеркало моей души,
Вспоминаю,
 как давно ты выбирался из тиши...
Сквозь туманы и невзгоды,
 сквозь дожди и сквозь напасть,
Ты пытался неустанно
 эту дрожь унять и страсть!

Только вспыхивало пламя —
 ты старался потушить
И стремился в одночасье половодье иссушить,
Что б не слиться воедино,
 что б случайно не пропасть...
Пеленою ослеплённый так боялся ты упасть...

Не приняв любви подарок,
 выбрал путь один — страдать!
Сам решил, и сам отрёкся...
 На кого тут уповать?
Вновь волною окрыленной
 не в объятья ты летишь,
А задуть скорее пламя
 чувств сильнейших ты спешишь...

24.01.2024

CBET

Ты смирилась. Не ждешь ничего.
Но предательски солнце заходит,
И ты снова, взглянув на окно,
Ждешь тот свет,
 что сквозь стёкла проходит.

Ты зашторишь окно и уйдешь,
На замки ты закроешь все двери...
Как не прячясь, себе не соврёшь.
Да и свет проползает сквозь щели.

Ты зашторишь окно поплотней,
И глаза ты закроешь ладонью.
И вот кажется стало темней,
Но тоска обдала тихой болью.

"Да, я жду, каждый день, каждый миг..."
Наконец закричала ты громко.
И сквозь двери и окна твой крик
Он услышал... Но выдержал стойко.

Сделал вид, что светил не тебе —
Мимо шел и сиял по привычке
Всем подряд он в соседнем дворе:
"У тебя же закончились спички?"

А без них не зажжешь ты свечи —
Без свечей так темно вечерами.
Да, зашел не случайно, прости.
Я хотел насладиться очами,

Глубиной твоих вдумчивых глаз,
И волос твоих пламенным блеском...
Кину пару коротеньких фраз...
И развеюсь как пепел над фреской".

Вот и ночь отправляется в спясть.
Утро, кофе и солнышко встало...
"Нет, не жду, и не буду я ждать,
Нет, ну я же себе обещала!"

30.09.2024

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Ты решила — мне не надо
Ни огней, ни тёплых дней,
И в тот час, когда ты рядом,
Мне совсем не веселей.

Небо пасмурное, утро...
Нет надежды, счастье — тлен.
Рассыпается как пудра
Наше время перемен.

25.01.2025

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Андрюхин

ДУША	3
РАЗВИВАЯ ГЕРАКЛИТА	4
СДЕЛКА	5
НЕ СОГЛАСЕН	6
САНИТАР	7
В ВОЕНКОМАТЕ	9
ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ	11
СЕВАСТОПОЛЬ	13
В РАДИОАКТИВНЫХ ВОДАХ	15
СТИХИ О НЕКОЙ ДАМА	17
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ	19
КОГДА ЕВРОПУ СМОЕТ	21
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗВОНОК	23
В ТЕЛЕФОННОЙ БУДКЕ	24
НАДЕЖДЕ	26
ПУТЕВОДИТЕЛЬ	27
ДРУГА ЮРИКУ	28
ГАРЬ ДА ПЕПЕЛ	29
ПОВЕЗЛО	31
ТЕНИ	32
БОЮСЬ РАЗОЧАРОВАТЬСЯ	34
ВАВИЛОНСКАЯ БЛУДНИЦА	36
ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ	38
НОЧНОЙ ИСХОД	39
ТА, РОКОВАЯ	40
ЧИСТОЕ КИНО	41
В ОМУТЕ	42

В ЗАЩИТУ ПЕТУХА	43
СОЗВЕЗДИЯ	45
У КОСТРА	46
КУДА ВАЖНЕЙ	48
ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ	49
ОСОБЕННОСТИ АБСОЛЮТА	51
НЕ СМЕШИТЕ ЧЕЛОВЕКА	52
ПРОБУЖДЕНИЕ	54
СПАТЬ ОХОТА	55
НАМЕРЕНИЕ	57
ПОДРАЖАНИЕ ЦВЕТАЕВОЙ	58
ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК	60
НАСЛЕДСТВО	61
ГУСЕНИЦА	62
ИСПЫТАНИЕ БАБОЙ	63
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЖИ	64
МЫСЛИ В НОЧЬ	66
КУДА УХОДЯТ МЫСЛИ	67
ГОДЫ	68
НОЧНОЙ ДОЖДЬ	69
МОЙ ГАРЕМ	71
ИГРА В ПРЯТКИ	73
ДВЕНАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ	74
ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ	75
СНЫ	77
ЛЮБИТЕ ЖИЗНЬ	78
ДЕТСТВО	79
ПРАКТИКАНТ	80
В БИБЛИОТЕКЕ	82
ЧААДАЕВУ	83
СЛОВНО ЗАЛ ОЖИДАНИЯ	84

ТАМ ЖИЛИ МУЗЫ	86
НЕ ТЕРПЛЮ	87
КАК НА ГРЕХ	88
СМЕХ И ГРЕХ	90
МОНАХ	91
ИЗ АМЕРИКАНСКОГО	
БЛАГОДАРИЮ	93
КОРШУНЫ	96
ЛЕРМОНТОВУ	97
СОЧИ	98
ИЮНЬ	99
ОДНАЖДЫ	100
ВИВАЛЬДИ	103
ПЕРЕХОД	104
ОТ ЧИСТОТЫ ДО ГРЯЗИ	105
НА КИТАХ	106

Ксения Андрюхина

АНГЕЛ	107
ТАИНСТВО ТВОЕЙ ДУШИ	108
СВЕТ	109
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН	111